

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1973

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1975

А. В. Витол

ТУРЦИЯ И ЕВРОПЕЙСКИЕ ДЕРЖАВЫ НА БЕРЛИНСКОМ КОНГРЕССЕ (1878 г.)

Русско-турецкая война 1877—1878 гг. закончилась поражением Турции. 3 марта (19 февраля ст. ст.) 1878 г. в местечке Сан-Стефано под Стамбулом был заключен прелиминарный мирный договор между Россией и Турцией на весьма тяжелых для побежденной Турции условиях. Главным в нем было создание обширного Болгарского княжества. Договор предусматривал переход под власть России ряда территорий в Малой Азии с городами Ардаганом, Карсом, Батумом и Баязидом, выплату Турцией 310 млн. руб. контрибуции и т. д.¹

Турецкий историк Ахмет Селахаттин писал: «Не приходилось заблуждаться: Сан-Стефанский договор означал конец существования Турции»². Конечно, такое заявление не соответствовало действительности, потому что только на Европейском материке за Турцией оставались Фракия, Эпир, Фессалия, Албания, Босния и Герцеговина. А главное, в Европе были по крайней мере две державы — Англия и Австро-Венгрия, твердо решившие не допустить, чтобы Россия воспользовалась плодами своей победы. Еще 15 февраля 1878 г. эскадра английского адмирала Хорнби без разрешения султана прошла Дарданеллы и бросила якорь у Принцевых островов, с тем чтобы предупредить вступление русских войск в Стамбул. В это же время Австро-Венгрия сосредоточивала свои войска на границах Боснии и Сербии. Россия была не в состоянии начинать войну с европейскими державами за сохранение результатов русско-турецкой войны: силы ее были ис-

¹ О Сан-Стефанском договоре подробнее см.: С. С. Татищев, Император Александр II. Его жизнь и царствование, т. 2, СПб., 1903, стр. 465—466.

² A. Selâhattin, Külliyyat-i hukuk ve siyasetten birinci kitab. Berlin Kongresinin diploması tarihine bir nazar, İstanbul, 1327 (1911—1912) (араб. ипр.), стр. 103.

тошены, финансы сильно расстроены, в стране шло революционное брожение. По этой причине Сан-Стефанский договор получил название «прелиминарного», т. е. предварительного. Царское правительство рассчитывало заключить с турками мир, а затем защитить мирный договор на международной конференции. Оно надеялось при поддержке Германии отколоть от Англии Австро-Венгрию ценой незначительных уступок и таким способом избежать новой войны (без коалиции с Австро-Венгрией Англия не стала бы воевать), обеспечив интересы России мирным путем. Что касается побежденной Турции, то ее армия находилась в расстроенном состоянии и ожидать вооруженного выступления с ее стороны пока не приходилось.

Австро-Венгрия выступила с предложением созвать в своей столице общеевропейскую конференцию для решения спорных вопросов, вытекавших из положения, создавшегося в результате русско-турецкой войны. Однако Россия не хотела допустить, чтобы конгресс заседал под председательством графа Андраши³ и чтобы значение «Вены и Венгрии в такой степени возвысилось в глазах славян и Турции убеждением, что судьба их тут будет решаться окончательно»⁴. Министр иностранных дел России А. М. Горчаков не согласился на проведение конференции в Вене и обратился за посредничеством к Бисмарку, но германский канцлер заявил, что не станет жертвовать традиционной, в течение нескольких поколений испытанной дружбой с Россией и Австро-Венгрией ради неблагодарной роли третейского судьи в таком вопросе и должен ограничиться ролью «честного маклера». Другими словами, Бисмарк устранился от активной поддержки русского правительства. В конце марта 1878 г. в Вену был послан русский дипломат Н. П. Игнатьев с целью договориться с правительством Австро-Венгрии. Если бы это удалось, Англия оказалась бы изолированной на предстоящем конгрессе. Однако австро-венгерское правительство предъявляло России требования, далеко выходявшие за рамки соглашения, установленного в январе 1877 г. Будапештской конвенцией: Австро-Венгрия претендовала не только на Боснию и Герцеговину, но и желала получить в той или иной форме политический и экономический контроль над всей западной частью Балканского полуострова. Соглашение на такой основе представлялось русскому правительству неприемлемым. Игнатьев уехал, не достигнув договоренности.

Премьер-министр Англии лорд Биконсфилд (Дизраэли) в

³ Крупнейший политический деятель Австро-Венгрии, министр иностранных дел в 1871—1879 гг.

⁴ Н. П. Игнатьев, После Сан-Стефано, Пг., 1916, стр. 5.

эту решающую минуту понял свою тактическую задачу. Необходимо было внушить царскому правительству, что Англия готова воевать даже в одиночку (без союза с Австро-Венгрией), если Россия не пойдет на уступки и не изменит некоторые статьи Сан-Стефанского договора. Биконсфилд распорядился начать демонстративные военные приготовления. В знак протеста против этих мероприятий в отставку ушел министр иностранных дел лорд Дерби, сторонник осторожной политики. Его преемником стал лорд Солсбери, выступавший за соглашение с Россией, но считавший, что ее надо предварительно как следует запугать⁵. Новый министр не замедлил опубликовать циркуляр, в котором утверждалось, что выполнение Сан-Стефанского договора повлечет за собой полное уничтожение Россией политической независимости Турции. Англия не может допустить, заявлял Солсбери, чтобы турецкое правительство находилось под давлением державы, посягающей на независимость Турции и подвергающей постоянной опасности само ее существование. Выступления Солсбери побудили русского посла в Лондоне П. А. Шувалова запросить нового министра: каких изменений Сан-Стефанского договора добивается английское правительство? Результатом этого запроса явились секретные переговоры Шувалова с Солсбери. Переговоры велись без протоколов, для сохранения секретности Шувалов сам поехал в Петербург за инструкциями. На пути в Петербург и затем на обратном пути в Лондон Шувалов нанес визиты Бисмарку, который к нему очень благоволил, и получил его согласие на созыв конгресса в Берлине.

Переговоры в Лондоне закончились 30 мая 1878 г. подписанием англо-русского соглашения. Свое согласие участвовать в работе конгресса (т. е. не начинать войны) Англия оговорила следующими условиями: Болгарское княжество должно быть сокращено на две трети, отделено от Эгейского моря и ограничено пределами Балкан; значительная часть Болгарии вновь перейдет под непосредственную власть султана; Порта должна взять обязательство о проведении реформ в Армении не только перед Россией, но и перед Англией. Сумма военной контрибуции, возложенной на Турцию, оставалась прежней — 1410 млн. руб., из которых 1100 млн. считались уплаченными за уступку России ряда территорий. Остаток в 310 млн. руб. по условиям англо-русского соглашения не мог быть заменен территориальными уступками, а турецкий долг не мог выплачиваться России в ущерб правам Англии, давно уже являющейся кредитором Порты. В Азии Россия отказывалась от Алашкертской долины и от г. Баязида. В свою очередь, Ан-

⁵ История дипломатии, т. 2, М., 1963, стр. 128.

глия, хотя и не одобряла возвращения Бессарабии царю, все же заявила, что не будет считать его за *casus belli*. Некоторые вопросы (о территории Болгарии, о длительности русской оккупации Болгарии, о судоходстве по Дунаю) предполагалось вынести на обсуждение конгресса. Англо-русское соглашение от 30 мая сокращало более чем наполовину все те выгоды, которые предоставлял России Сан-Стефанский договор. Тем не менее согласие Англии на переход в русское владение Батума и Карса вызвало удивление не только Бисмарка (об условиях соглашения ему сообщил Шувалов), но и Александра II. Царь выразил сомнение по поводу заключенного соглашения: «Что касается Карса, Батума и так далее, я ничему не верю. Когда дело дойдет до подписания соглашения, англичане откажутся от этого. Одним словом, они нас обманывают»⁶. Однако Англия не отказалась от своих уступок России. Дело заключалось в том, что английская дипломатия добилась «уступки» Турцией Англии о-ва Кипр.

Англия уже давно стремилась сделать на Востоке ряд территориальных приобретений. Английские притязания на турецкие острова в восточной части Средиземного моря стали известны Н. П. Игнатьеву во время его беседы с лордом Биконсфилдом весной 1877 г., о чем Игнатьев сообщил Горчакову⁷. Во время русско-турецкой войны английское правительство дважды предлагало Порте продать некоторые территории Османской империи, причем оба раза в числе объектов фигурировал о-в Кипр. Первый раз закулисные переговоры велись летом 1877 г., но закончились безрезультатно. В ноябре 1877 г., когда Турция испытывала острый финансовый кризис и было очевидно, что она не сможет долго сопротивляться России, Биконсфилд вновь предложил ей продать ряд территорий. Цель Биконсфилда была ясна: под видом «покупки» Англия захватывала ряд важных в стратегическом отношении территорий, а английская финансовая поддержка позволяла Турции продолжать войну с Россией. Турецкое правительство отвергло и это предложение, заявив, что султан не может продать какую-либо часть своего государства, потому что другие державы потребуют соответствующей компенсации.

Подписание русско-турецкого перемирия, а затем мира затруднило проведение захвата Дарданелл под видом помощи Турции, что также входило в планы Англии. Тем настойчивее она стремилась закрепиться в Восточном Средиземноморье.

⁶ П. А. Шувалов, О Берлинском конгрессе 1878 года, — «Красный архив», 1933, № 4 (59), стр. 96, 98.

⁷ Поездка графа Игнатьева по европейским странам перед войной 1877—78 гг., — «Русская старина», т. 159, июль 1914.

8 марта 1878 г. английское правительство приняло решение, имевшее важное значение для всей его дальнейшей политики. «Кабинет решил, — говорилось в постановлении, принятом правительством, — что после пересмотра мирного договора, заключенного между Россией и Турцией на международной конференции или, если она не состоится, помимо нее должна быть приобретена новая морская станция в Восточном Средиземноморье для компенсации британских интересов и, в случае необходимости, путем применения силы»⁸. 12 апреля 1878 г. был отдан приказ о переброске семитысячного отряда англо-индийских войск на о-в Мальту в качестве подготовительной меры для захвата Кипра.

24 мая того же года Англия предъявила Турции требования, которые нельзя оценить иначе, как ультиматум. Заявление английского правительства начиналось словами: «Османские армии потерпели поражение. Османское правительство в безвыходном положении». Далее говорилось, что Англия надеется изменить некоторые статьи Сан-Стефанского договора, затрагивающие интересы Европы и Англии на Балканах. Однако эти изменения не устраняют «русскую опасность» для Османской империи в Азии. Пояснялось, что под этой опасностью следует понимать возможность восстания подвластных Османской империи народов Анатолии, Сирии и Ирака, подстрекаемых Россией. «Русская опасность» усиливается в связи с передачей России Карса, Ардагана и Батума. В заявлении утверждалось, что, поскольку слабость Османской империи теперь очевидна, подвластные ей народы покинут государство, находящееся в упадке, и будут искать другое руководство (т. е. начнут ориентироваться на Россию), «а это будет означать конец Османской империи». Подведя к такому заключению, английское правительство подсказывало Турции выход из опасного положения «для продолжения османского владычества в Азии»: «союзническая гарантия державы, способной силой оружия воспрепятствовать русской агрессии в Азии». Англия готова была предоставить такую гарантию на следующих двух условиях: «1. Турецкое правительство дает официальную гарантию проведения реформы среди христиан и других подданных Османской империи. 2. Для того чтобы Англия могла выполнить свое обещание, ей передается территория, расположенная вблизи Сирии или берегов Анатолии. Англия считает пригодным и достаточным для этой цели остров Кипр». Англия заверяла турецкое правительство, что Кипр по-прежнему будет принадлежать Турции, что на-

⁸ Цит. по: Г. Н. Реутов, Из истории захвата Кипра Англией, — «Вопросы истории», 1958, № 3, стр. 141.

логи с острова будут поступать в турецкую казну, а использоваться Англией он будет только в военных и стратегических целях. Если Россия возвратит Турции Карс, Ардаган, Батум и другие оккупированные территории, «Англия уйдет с Кипра»⁹.

Английский посол ознакомил с этим заявлением морского министра Саид-пашу и добавил, что, если предложение английского правительства о заключении англо-турецкого оборонительного договора будет принято, Англия обещает поддержать Турцию на будущих переговорах в Берлине; в противном же случае Англия отказывается от поддержки турецкого правительства. На последовавшей затем аудиенции у Абдул Хамида II английский посол потребовал ответа на предложение своего правительства в течение 48 часов. Это предложение не было представлено на рассмотрение совету министров, так как должно было содержаться в строгой тайне: кроме названных лиц о нем знали лишь великий везир Садык-паша и министр просвещения Мюниф-эфенди. Об английском предложении не был поначалу поставлен в известность даже министр иностранных дел Сафвет-паша¹⁰.

Перед Абдул Хамидом II стояла трудная задача. С одной стороны, передача Англии о-ва Кипр была бы для побежденной Турции новым тяжелым ударом. С другой стороны, внутреннее и внешнеполитическое состояние Турции в тот момент было весьма сложным. Ослабленная войной страна находилась в изоляции на международной арене. Поражение привело к росту недовольства внутри страны: 20 мая 1878 г. произошел так называемый Чераганский инцидент — попытка низложить султана¹¹. Попытка не удалась, но Абдул Хамид был сильно напуган. Русские войска стояли под Стамбулом, надежда на изменение тяжелейшего Сан-Стефанского договора могла осуществиться только с помощью Англии. В таких условиях Турция не могла сопротивляться английским требованиям, Абдул Хамид II дал положительный ответ британскому правительству, и 4 июня 1878 г. англо-турецкий оборонительный договор (или Кипрская конвенция) был подписан. 6 июля 1878 г. султан ратифицировал англо-турецкий договор (по требованию английского правительства ферман о ратификации был датирован 1 июля 1878 г.). В тот же день главнокомандующему английской средиземноморской эскадры Джо-

⁹ E. Z. Karal, *Osmanlı tarihi*, с. 8, Ankara, 1962, стр. 71—72; см. также: R. Ekrem, *Osmanlı muahedeleri ve kapitülasyonlar*, İstanbul, 1934, стр. 224.

¹⁰ E. Z. Karal, *Osmanlı tarihi*, стр. 73.

¹¹ Ю. А. Петросян, *Младотурецкое движение*, М., 1971, стр. 98—99.

ну Хею был отдан приказ направить свои корабли к о-ву Кипр. Первые контингенты английских войск высадились на Кипре 11 июля 1878 г. Английское правительство, опасавшееся противодействия Франции, добилось своего: издание фирмана и занятие Кипра были произведены почти одновременно.

8 июля 1878 г. содержание англо-турецкого договора было объявлено английскому парламенту. Консервативная пресса и колониальные круги Англии одобрили договор. 10 июля 1878 г. газета «Таймс» писала, что Кипр явится «превосходной морской базой, которая будет служить условием защиты Суэцкого канала, обезопасит второй путь в Индию и предоставит Англии необходимый авторитет в отношениях с Портой»¹².

Таким образом, еще до начала Берлинского конгресса Англия обеспечила себе приобретение Кипра — плацдарма для предстоящего захвата Египта.

3 июня 1878 г. от имени Бисмарка были разосланы официальные приглашения державам — участникам Парижского конгресса 1856 г. и Лондонского совещания 1871 г.: России, Турции, Англии, Австро-Венгрии, Франции и Италии.

Россию представляли А. М. Горчаков, П. А. Шувалов и посол в Берлине барон Убри. Английской делегацией руководил премьер-министр Англии лорд Биконсфилд. Вторым и третьим уполномоченными были лорд Солсбери и посол в Берлине Одо Рассел. Французскую делегацию возглавлял министр иностранных дел Уильям Генри Ваддингтон. Секретарем конгресса Бисмарк назначил известного дипломата Радовица, которому он очень доверял.

От Турции на конгресс приехала многочисленная делегация. Главным уполномоченным был назначен министр общественных работ Александр Каратеодори-паша (принц Александр). Каратеодори-паша, происходивший из семьи греческого врача, родился в 1833 г. в Стамбуле. Он был последовательно секретарем посольства, помощником министра иностранных дел, посланником Порты при римском дворе. После конгресса Каратеодори несколько месяцев (с декабря 1878 по июль 1879 г.) был министром иностранных дел. Историки отмечают образованность Каратеодори-паши, его такт и умение завоевывать симпатии окружающих¹³. «Во всяком случае,— пишет Радовиц,— Каратеодори был одним из лучших и достойных уважения высших чиновников, которые служи-

¹² Цит. по: Г. Н. Реутов, Из истории захвата Кипра Англией, стр. 150.

¹³ В. Н. Sumner, Russia and the Balkans, 1870—1880, Oxford, 1937, стр. 509.

ли Порте в наше время»¹⁴. Однако в Берлине Каратеодори-паша мало что мог сделать для облегчения участи Турции; он был связан многочисленными запретами и инструкциями из Стамбула, а главное — самой обстановкой конгресса, когда никто не собирался обращать внимания на турецких делегатов.

Какие цели преследовала Порта, поручая пост руководителя турецкой делегации не министру иностранных дел и вдобавок христианину? Турецкий историк Карал полагает, что христианина Каратеодори назначили в Берлин с целью «произвести на конгресс психологическое воздействие»; он отмечает, что достигнуть этого не удалось¹⁵. Более вероятным представляется суждение Радовица, который считает, что Порта предназначила Каратеодори для выполнения такой неблагодарной работы, как участие в конгрессе, для того, чтобы потом было «удобнее взвалить на него ответственность за все неприятное»¹⁶.

Вторым турецким представителем был посол в Берлине Садулла-бей. В дипломаты Садулла-бей попал только благодаря дворцовым интригам и никакой роли ни в посольстве, ни в делегации не играл. Вскоре после конгресса он скоропостижно скончался¹⁷. Самым неудачным было назначение третьим турецким уполномоченным генерала Мехмеда Али-паши. В Стамбуле надеялись, что благодаря своему германскому происхождению Мехмед Али-паша будет особенно цениться в Берлине и, следовательно, сможет сделать что-нибудь полезное для Турции. Но именно германское происхождение было причиной того, что Мехмеда Али-пашу третировали как человека второго сорта. Дело заключалось в следующем. Мехмед Али-паша родился в Магдебурге. В 1843 г. он бежал в Стамбул с немецкого корабля, где служил юнгой, и принял мусульманскую веру. Воспитывался он в доме Али-паши, знаменитого сановника Османской империи, под чьим покровительством быстро сделал карьеру. Во время русско-турецкой войны он достиг высоких военных постов и считался талантливым военачальником. Однако могло ли блестящее общество, собравшееся на конгрессе, хорошо отнестись к дезертиру с прусской службы? Конечно, нет.

¹⁴ Aufzeichnungen und Erinnerungen aus dem Leben des Botschafters Joseph Maria von Radowitz 2 Bd, Berlin — Leipzig, 1925, стр. 31 (далее — Radovitz. Erinnerungen).

¹⁵ E. Z. Karal, Osmanlı tarihi, стр. 74.

¹⁶ Radowitz, Erinnerungen, стр. 31.

¹⁷ Там же: «Он был ничтожеством, пришедшим на свой пост по протекции дворца... Позже он скончался от слишком обильного употребления алкоголя».

Кроме трех главных турецких представителей в Берлин прибыл из Турции целый штаб из 14 секретарей и военных консультантов. Среди этого персонала были Этьен Каратеодори — будущий посланник Порты в Бельгии, Парнис-эфенди — юрисконсульт Порты, Наум-эфенди — будущий губернатор Ливана. Турецкие делегаты приехали на конгресс со следующими устными инструкциями, полученными от султана и от правительства: добиться оставления за Османской империей крепости Варны и оборонительной линии на Балканах; воспрепятствовать расширению Сербии и Черногории в сторону Албании; обеспечить возвращение Османской империи Баязида и долины Алашкерта, а также отстаивать Батум; освободить Османскую империю от денежного возмещения России, т. е. от контрибуции¹⁸. В вопросе о Болгарии турецкие представители надеялись на помощь Англии. С английской делегацией у турок установились довольно тесные отношения. Английские делегаты ознакомили турецких представителей с общим содержанием англо-русского соглашения от 30 мая 1878 г., но не сообщили им о Кипрской конвенции от 4 июня, о которой турецкие делегаты были информированы своим правительством только 4 июля 1878 г.¹⁹

Положение турецкой делегации Бисмарк достаточно полно обрисовал Каратеодори-паше во время их первой встречи (еще до открытия конгресса): «Я не хочу скрывать от вас положение: не обманывайте себя, полагая, что конгресс собрался ради Османской империи. Если бы Сан-Стефанский договор не содержал некоторых статей, которые затрагивают интересы Европы, то его оставили бы без изменений. При решении имеющихся трудностей некоторые статьи, вышеупомянутого договора будут, конечно, сильно изменены. Из этого извлеките для себя выгоду, однако, если вы захотите пойти дальше, вы не сможете добиться никакого успеха. Еще раз вам повторяю, что конгресс собрался не ради Османской империи. Если из-за упорства Османской империи возникнет война, то для вашей страны не может быть более пагубного события... нет сомнения в том, что причиной гибели Турции будет желание понесших убытки стран возместить свои потери за ее счет»²⁰. Поведение Бисмарка на конгрессе соответствовало тону сделанного им заявления: он резко обрывал турецких делегатов и заставлял их молчать при любом признаке недовольства с их стороны. Особенно доставалось Мехмеду Али-паше: «Бисмарк обращался с ним с ужасной

¹⁸ A. F. Türk geldi, Mesâil-i mühimme-i siyasiyye, c. 2, Ankara, 1957, стр. 63—64.

¹⁹ B. H. Sumner, Russia and the Balkans..., стр. 510.

²⁰ A. F. Türk geldi, Mesâil-i mühimme-i siyasiyye, c. 2, стр. 65.

грубостью»²¹. Когда Каратеодори-паша на одном из заседаний конгресса воздержался от голосования по вопросу о присоединении г. Враньи к Сербии, Бисмарк устроил ему такой унижительный выговор: «Вы только что уклонились от голосования по вопросу о Вранье. Вы полагаете, что конгресс — это Порта. Вы не должны затруднять принятие решений, за которые высказались державы»²².

Делегаты от России, конечно, тоже не очень жаловали только что побежденных турок, нашедших себе европейских покровителей. Русские представители были искренне возмущены, когда вечером 13 июня на приеме у германского кронпринца их место оказалось рядом с турками и чуть ли не в самом конце зала. Они успокоились только тогда, когда узнали, что уполномоченные размещены в алфавитном порядке по названиям представляемых ими государств (по французскому алфавиту)²³. Или, например, 16 июня к Шувалову приехали Каратеодори-паша и Мехмед Али-паша, но Шувалов отказался их принять²⁴.

Немногим лучше относились к туркам и англичане, обязанные по условиям англо-турецкого соглашения защищать интересы Порты. Лорд Биконсфилд, рассердишись по поводу неуступчивости турок в вопросе о передаче Боснии и Герцеговины Австро-Венгрии, сделал им резкий выговор, обвиняя их в непонимании обстановки конгресса и собственной выгоды²⁵.

Турецким представителям посочувствовал только Ваддингтон. В частной беседе он сказал туркам: «Вы выглядите очень опечаленными, вы правы, я вам сочувствую, но сделать что-либо не в моей власти»²⁶. «Одним словом, — пишет турецкий историк А. Ф. Тюркгельди, — хотя Османская империя с большими надеждами приняла участие в конгрессе, она не видела добра и пользы ни от друзей, ни от врагов»²⁷. Турецкому правительству и султану и не следовало обольщаться насчет надежд на «спасение Турции» на конгрессе, о чем сразу предупредил Каратеодори-пашу Бисмарк. Помощь же английских друзей Турции, еще до начала конгресса обеспечивших себе получение о-ва Кипр, была оказана в таких вопросах, где интересы Англии и России прямо противоречили друг другу.

²¹ Там же; В. Н. Sumner, *Russia and the Balkans...*, стр. 510.

²² А. Ф. Türgeldi, *Mesâil-i mühimme-i siyasiyye*, с. 2, стр. 65.

²³ Берлинский конгресс 1878 г. Дневник, веденный на месте Анучиным, — «Русская старина», 1912, февраль, стр. 234—235.

²⁴ Там же.

²⁵ А. Ф. Türgeldi, *Mesâil-i mühimme-i siyasiyye*, с. 2, стр. 65.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

Можно сказать, что Англия лишь в той степени была другом Турции, в какой она была врагом России.

К 12 июня в Берлин собрались представители всех приглашенных держав. 13 июня, в четверг, в 2 часа дня, конгресс начал свою работу. Председателем избрали Бисмарка. Во вступительной речи Бисмарк заявил, что, так как постановления Сан-Стефанского договора в некоторых статьях изменяют порядок вещей, установленный прежними европейскими договорами, представители держав собрались здесь, чтобы подвергнуть Сан-Стефанский договор свободному обсуждению кабинетов, подписавших трактаты 1856 и 1871 гг.

После выступления Бисмарка конгресс должен был перейти к обсуждению статей Сан-Стефанского договора о Болгарии. Однако слово взял Биконсфилд и в запальчивой речи потребовал немедленного отвода русских войск от Босфора, чем едва не вызвал прекращения работы конгресса. Горчаков возразил Биконсфилду, что единственная цель русского императора — обеспечить самостоятельное существование христианских подданных Порты. Шувалов добавил, что за три месяца пребывания русских войск вблизи турецкой столицы не произошло никаких столкновений, тогда как отступление войск может служить сигналом к серьезным беспорядкам. Бисмарк заявил, что этот вопрос уполномоченные Англии и России должны решить в частных заседаниях и конгресс выступит в качестве посредника между ними только в том случае, если им не удастся прийти к соглашению. Конечно, Бисмарку было невыгодно, чтобы созданный им конгресс, на котором он председательствовал, потерпел неудачу. Поэтому в критические моменты он не останавливался перед принятием решительных мер, причем больше всего доставалось турецким делегатам, находившимися «мужество для согласия с некоторыми решениями конгресса только под давлением авторитета Бисмарка»²⁸.

После первого заседания Бисмарк с помощью Радовица подготовил следующее предложение, на случай если англичане вновь возбудили бы вопрос об отводе русских войск: Россия отводит свои войска из района между Константинополем и Адрианополем, турки очищают Шумлу и Варну, а Англия отзывает свой флот из Мраморного моря²⁹. Беспокойство Бисмарка оказалось несколько преувеличенным: вопрос о положении русской армии под Константинополем больше не возбуждался на заседаниях, и до конца конгресса как русские войска, так и английская эскадра не покидали занятых ими позиций.

²⁸ Radowitz, *Erinnerungen*, стр. 40.

²⁹ B. H. Sumner, *Russia and the Balkans...*, стр. 515—516.

Итак, первое же заседание конгресса обнаружило глубину англо-русских противоречий. Дальнейшему осложнению обстановки послужило опубликование в лондонской газете «Глоб» от 15 июня тщательно скрываемого соглашения между Солсбери и Шуваловым от 30 мая 1878 г., причем текст был передан очень точно, отсутствовало лишь несколько малозначащих слов. В Англии стали обвинять Солсбери в излишней уступчивости России, слово «Батум» стало лозунгом английских шовинистов³⁰. В беседе с Шуваловым Солсбери заявил, что отказывается от уступки России Батума, а так как под соглашением стоит его подпись, то он уйдет в отставку, а для нового министра иностранных дел его подпись будет необязательной. Конгресс опять-таки был на грани срыва. Шувалов спешно отправился к Бисмарку и попросил его что-нибудь предпринять. После беседы с Шуваловым Бисмарк поехал к Биконсфилду и с трудом уладил дело. Бисмарк заявил английскому премьер-министру, что отказ от выполнения соглашения от 30 мая будет делом не только России и Англии, но явится нелояльным поступком по отношению к Германии. Радовиц замечает по этому поводу: «...во всяком случае, разоблачение «Глоб» имело такое действие, как палка в колесе, и больше всех был раздосадован Бисмарк»³¹.

16 июня, в воскресенье, у Шувалова состоялось совещание русских уполномоченных. Присутствовали Генерального штаба генерал-лейтенант Анучин, генерал-майор Бобриков и полковник Боголюбов, А. И. Нелидов, Убри и барон Жомини³². Шувалов ознакомил присутствующих с обстановкой и подчеркнул, что ему приходится защищать дело, во многом уже предрешенное безвозвратно и непоправимо, к тому же он знаком только с вопросом в целом и массы подробностей совершенно не знает. Шувалов сообщил, что на создание Болгарии в границах Сан-Стефанского договора надежды нет. По соглашению с Англией — текста Шувалов не предъявил, так как он уже был напечатан в «Глоб», — Россия согласилась на создание Болгарии в размерах, определенных Константинопольской конференцией 1876—1877 гг.

На втором заседании конгресса, 17 июня, Солсбери потребовал включения в состав делегатов уполномоченных Греции. Представители Греции добивались участия в обсуждении вопроса о Болгарии. Греция, на территориальное увеличение которой Россия не рассчитывала, тоже хотела получить свою

³⁰ Там же.

³¹ Radowitz, Erinnerungen, стр. 44.

³² А. И. Нелидов в 1877—1878 гг. — директор дипломатической канцелярии при штабе действующей армии, в 1883—1897 гг. — посол в Турции; А. Г. Жомини — старший советник министерства иностранных дел.

долю Османской империи: она требовала Эпир, Фессалию, Крит и даже Македонию, входившую в состав Болгарии по условиям Сан-Стефанского договора. Биконсфилд проявлял к делу греков большой интерес: ему казалось правильным тактическим приемом в данный момент противопоставить их покровительствуемым Россией славянам. Англичан поддержал Ваддингтон, и на третьем заседании конгресса (19 июня) вопрос о допуске греческих делегатов был в принципе решен, правда, с оговоркой, что греки могут представить свои замечания конгрессу только тогда, когда станет обсуждаться вопрос о греческих провинциях Турции, граничащих с греческим государством, т. е. об Эпире и Фессалии. Турецкие представители, конечно, возражали против такого решения, но затем стали держаться пассивно³³. В дальнейшем решение конгресса относительно Греции было занесено в ст. XXIV Берлинского трактата. Греция и Турция должны были сами решить вопрос об «исправлении границ»; если же они не придут к согласию, конгресс предусматривал посредничество великих держав «для облегчения переговоров»³⁴. Что касается Крита, то конгресс ограничился утверждением статьи Сан-Стефанского договора о соблюдении на острове «органического устава» 1868 г.³⁵

Дискуссия о Болгарии была начата на втором заседании конгресса, продолжалась на последующих пяти и закончилась только 26 июня. Болгарский вопрос был самым трудным и важным из решавшихся на конгрессе; достаточно сказать, что из 64 статей Берлинского трактата 22 посвящены Болгарии и Восточной Румелии. Обсуждение болгарского вопроса превратилось в подлинное сражение между представителями России, с одной стороны, Англии и Австро-Венгрии — с другой. На втором заседании Биконсфилд выдвинул новые предложения по Болгарии, выходящие за рамки соглашения от 30 мая 1878 г.: он настаивал на предоставлении Турции права держать свои войска в Восточной Румелии (южной части Болгарии), на включении в ее состав Софийского санджака, Варны и т. д. Русские делегаты были в затруднительном положении: идти на крупные уступки Англии без ведома царя они не решались. В Петербург был срочно отправлен полковник Боголюбов для устного сообщения о конгрессе и для получения инструкций.

Бисмарк предложил разрешать главные затруднения пу-

³³ Radowitz, *Erinnerungen*, стр. 44.

³⁴ Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Составил Ф. Мартенс, т. 8, СПб., 1888, стр. 658 (далее — Мартенс, *Собрание трактатов и конвенций*).

³⁵ Там же, стр. 657.

тем частных соглашений между заинтересованными сторонами, т. е. чтобы представители России и Англии договаривались между собой вне заседаний конгресса. Андраши заявил, что Австро-Венгрии необходимо иметь своего представителя на таких совещаниях. Принятый по предложению Бисмарка порядок был невыгоден для России: в совещаниях трех держав Англия и Австро-Венгрия обычно выступали против нее. Была создана и специальная комиссия по разграничению, в которую от России вошли Анучин, Бобриков и Боголюбов, от Англии — капитан Симмонс и капитан Эрдаг, от Австро-Венгрии — барон фон Швегель и подполковник фон Теммель. На заседаниях комиссии большинство было не на русской стороне. Бисмарк выдвинул также принцип единогласного принятия решений. Утвержденный порядок был особенно невыгоден для турецких делегатов: он вынуждал их присоединяться к решениям остальных держав или противоречить им, на что они вряд ли могли решиться. Для России такой порядок означал обязательное вовлечение в предварительные переговоры с Англией и Австро-Венгрией и принятие компромиссных решений.

На третьем заседании конгресса решено было воздержаться от обсуждения вопроса о Болгарии: русские уполномоченные ожидали инструкций из Петербурга. Однако Биконсфилд требовал принятия его предложений немедленно. Четвертое заседание было назначено на 22 июня, а 20 июня англичане стали распространять слухи о том, что Биконсфилду по телеграфу заказан экстренный поезд из Кельна на утро 23-го (воскресенье). Биконсфилд якобы сделал такое заявление: «В воскресенье вечером я хотел бы прибыть в Лондон, в понедельник отправиться к королеве, и после этого последует объявление войны России»³⁶. Но до разрыва не дошло: согласно полученным из Петербурга инструкциям, предписывавшим не доводить дело до крайности, а также благодаря вмешательству Бисмарка, склонявшего русских уполномоченных (главным образом Шувалова) к компромиссу, делегация России пошла на уступки Англии в вопросе о Болгарии.

В соответствии с окончательным решением территория Болгарии в границах, установленных Сан-Стефанским договором, была разделена на три части. Македонская часть снова становилась владением Турции, к югу от Балкан образовывалась Восточная Румелия с особым статутом, к северу от Балкан создавалось Болгарское княжество, платящее дань султану. Русским уполномоченным удалось отстоять за Бол-

³⁶ Radowitz, Erinnerungen, стр. 45.

гарией крепость-порт Варну³⁷. Болгария сохранила и Софийский санджак (хотя и не целиком), что явилось большим успехом русских представителей в комиссии по разграничению, а также Шувалова, сумевшего использовать желание Австро-Венгрии отдалить южную границу Восточной Румелии от Эгейского моря. Такое постановление конгресса повергло турецких уполномоченных в отчаяние: по инструкции султана Каратеодори-паша должен был сохранить за Турцией Варну с окрестностями.

Болгарское княжество по Берлинскому трактату сокращалось со 163 тыс. до 64 тыс. кв. км, население — с 4 млн. до 1,5 млн. человек (по сравнению с решениями в Сан-Стефано). Организация государственного устройства Болгарии должна была проходить не под наблюдением русского комиссара, а под надзором европейской комиссии. Восточная Румелия со столицей в Филиппополе (Пловдиве) оставалась под властью султана на условиях административной автономии. Генерал-губернатор этой провинции назначался из христиан³⁸. Русские уполномоченные активно выступали за ограничение прав султана на размещение и ввод войск в Восточную Румелию. По просьбе Бисмарка согласование английских (английская делегация требовала предоставить султану неограниченное право на ввод и размещение войск) и русских взглядов взял на себя Ваддингтон, составивший статьи о случаях и пределах занятия турецкими войсками Восточной Румелии. По ст. XV султану предоставлялось право на оккупацию и защиту Восточной Румелии, но внутри провинции турецкие войска находиться не могли; султан обязывался не употреблять в пограничных гарнизонах иррегулярных войск. Генерал-губернатор имел право призывать турецкие войска в случае опасности, но Порты должна была предупреждать представителей державы в Константинополе о своем решении и о причинах, его вызвавших (ст. XVI)³⁹.

Таким образом, права султана в Восточной Румелии были довольно сильно урезаны. Тюркгельди считает, что при решении судьбы Восточной Румелии было сделано «столько огорочек по настоянию русских, что основная цель, можно сказать, достигнута не была»⁴⁰.

³⁷ Тюркгельди сетует на то, что «даже мусульманская крепость Варна осталась у Болгарии» (А. F. Türkğeldi, *Mesâil-i mühimme-i siyasiyye*, стр. 69), забывая сказать, что Варна находится почти посредине Болгарии и передача этого города Османской империи в известной степени уничтожала Болгарию.

³⁸ Мартенс, Собрание трактатов и конвенций, стр. 651.

³⁹ Там же, стр. 654.

⁴⁰ А. F. Türkğeldi, *Mesâil-i mühimme-i siyasiyye*, стр. 69.

По предложению делегатов Австро-Венгрии, Франции и Италии на Болгарию и Восточную Румелию было распространено действие всех торговых договоров, заключенных Турцией с иностранными державами, а также все признанные Портой права и преимущества иностранцев (капитуляции), консульская юрисдикция и покровительство консулов своим соотечественникам; никаких транзитных пошлин с товаров, провозимых через Болгарию, не должно было взиматься. Австро-Венгрия настояла на признании обязательными для Болгарии договоров Порты по вопросам строительства и эксплуатации железных дорог. Конгресс постановил, что независимо от выплаты Турцией ежегодной дани Болгарское княжество должно принять на себя определенную долю Османского долга⁴¹. Все эти постановления не встретили каких-либо возражений русских уполномоченных. Шувалов заявил, что Россия не имеет на Балканском полуострове материальных интересов, а одни только интересы нравственные⁴².

На седьмом заседании конгресса, 26 июня, на обсуждение был вынесен вопрос о Боснии и Герцеговине, которые по Сан-Стефанскому договору оставались под властью султана при условии проведения в них реформ, обеспечивающих права христианского населения. «Права» на оккупацию этих областей давно добивалась Австро-Венгрия. Босния и Герцеговина были обещаны ей сначала во время рейхштадтского свидания императоров Александра II и Франца-Иосифа (8 июля 1876 г.), затем — по условиям русско-австрийской Будапештской конвенции от 15 января 1877 г.⁴³. После Сан-Стефанского договора Австро-Венгрия опасалась, что Россия и на Берлинском конгрессе не поддержит передачу в австрийские руки Боснии и Герцеговины⁴⁴, поэтому англо-австрийское сближение, стараниями в основном австрийской стороны, завершилось 6 июня 1878 г. подписанием секретного соглашения между Англией и Австро-Венгрией о проведении согласованной политической линии на конгрессе. Оба правительства договорились не допускать расширения болгарской территории южнее Балканского хребта и ограничить срок русской оккупации Болгарии шестью месяцами; Англия обязывалась поддержать

⁴¹ Мартенс, Собрание трактатов и конвенций, стр. 648—656.

⁴² С. С. Татищев, Император Александр II..., стр. 497—498.

⁴³ Русскую запись рейхштадтских переговоров см.: А. Н. Ш е б у н и н, Россия на Ближнем Востоке, Л., 1926, стр. 81—82. О Будапештской конвенции см.: С. Гор я н о в, Босфор и Дарданеллы, СПб., 1907, стр. 304.

⁴⁴ Сан-Стефанский договор нарушал условия Рейхштадтского соглашения и Будапештской конвенции: Россия стала на путь создания большого славянского государства (Болгария) на Балканах, Босния и Герцеговина оставались под властью султана, Сербия и Черногория получали часть территории Боснии и Герцеговины.

притязания Австро-Венгрии на Боснию⁴⁵. До открытия конгресса (в конце мая — начале июня) австро-венгерское правительство делало попытки договориться непосредственно с Портой о получении Боснии и Герцеговины, но турецкое правительство ответило отказом. Заключение англо-турецкого соглашения от 4 июня 1878 г. вселило в турецкое правительство надежду на оставление этих областей за Турцией.

На восьмом заседании Андраши прочел пространную записку с изложением причин, по которым Австро-Венгрия больше всех других держав заинтересована в том, чтобы в двух соседних с ней провинциях Турции раз и навсегда были восстановлены спокойствие и порядок, нарушенные рядом восстаний, усмирить которые Турция не в силах и которые стоили Австро-Венгрии многих тяжелых жертв. Оставить области под властью Турции — значит обратить их в постоянный очаг волнений и смут, утверждал Андраши. После Андраши выступил Солсбери. Он подчеркнул, что нельзя допустить расширения Сербии и Черногории за счет Боснии и Герцеговины, как предусматривал Сан-Стефанский договор, так как в этом случае на всем протяжении Балканского полуострова образовалась бы сплошная цепь славянских государств, которые угрожали бы существованию других племен, населяющих полуостров (Солсбери имел в виду греков). Солсбери предложил конгрессу постановить, что Босния и Герцеговина будут заняты Австро-Венгрией и вверены ее управлению. Предложение Солсбери поддержали Бисмарк и Ваддингтон. Первый итальянский уполномоченный граф Корти попросил Андраши дать несколько дополнительных объяснений, ничем не выразив своего недовольства. Биконсфилд произнес с большим воодушевлением речь о суверенных правах султана, которые никоим образом не должны быть затронуты предложенной Австро-Венгрией помощью в пограничных провинциях. Предложение Солсбери поддержал, наконец, Горчаков. Российский канцлер заявил, что речь, в сущности, идет о защите христианского населения от векового произвола и что предложение Солсбери входит в общие намерения России, поэтому русские уполномоченные присоединяются к нему⁴⁶.

Каратеодори-паша пытался протестовать: он прочел конгрессу докладную записку, где провозглашались добрые намерения турецкого правительства относительно будущего управления христианскими провинциями, что якобы делало ненужной австрийскую помощь. Каратеодори-паша заявил, что без инструкций из Стамбула он не может подписать решение кон-

⁴⁵ История дипломатии, т. 2, стр. 129.

⁴⁶ С. С. Татищев, Император Александр II..., стр. 500.

гресса по Боснии и Герцеговине. Бисмарк, однако, дал понять турецким уполномоченным, что в случае согласия остальных держав протест турок не будет принят во внимание; он напомнил, что Высокая Порта не вправе жаловаться, так как ей возвратили Македонию и Болгарию. Протокол этого (восьмого) заседания турецкие уполномоченные не подписали, но ничего изменить не смогли, а через несколько дней из Стамбула пришло разрешение подписать решения конгресса по Боснии и Герцеговине. Каратеодори-паша пытался договориться по этому вопросу в частной беседе с представителями Австро-Венгрии еще на конгрессе, затем — на обратном пути, заехав в Вену, но тоже тщетно⁴⁷.

Итак, Австро-Венгрия получила право оккупировать на неопределенный срок Боснию и Герцеговину и управлять этими провинциями, которые, следовательно, лишь номинально оставались частью Османской империи. Австро-Венгрии разрешалось также содержать свои гарнизоны в Новобазарском санджаке — передовом посту в направлении Салоник⁴⁸.

Последующие заседания конгресса были посвящены в первую очередь Сербии и Черногории. Была признана независимость этих государств при условии провозглашения в них полного религиозного равенства и свободы. Значительная часть территориальных уступок, обеспеченных Сербии Сан-Стефанским договором, переносилась к востоку, т. е. их представляли за счет не Боснии, а Болгарии. Сербия получила города Пирот и Вранья в обмен на часть Новобазарского санджака, что являлось дополнительной выгодой для Австро-Венгрии и унижением для России. Во время обсуждения вопроса о Черногории Каратеодори-паша заявил, что Турция не может отказаться от албанского порта Бар (Антивари) и вообще не может допустить расширения границ Черногории в ущерб Албании. На заявление турецкой стороны Бисмарк возразил, что необходимо сохранить принципы договора в Сан-Стефано⁴⁹. В конце концов у Черногории отобрали Спицу, которую присоединили к Далмации (владение Австро-Венгрии), но оставили ее единственный порт Антивари. Территория Черногории сокращалась с 15 тыс. (по Сан-Стефанскому договору) до 8 тыс. кв. км — это было решено в частных встречах австрийских и русских представителей.

На десятое заседание конгресса, 1 июля, были приглашены румынские делегаты Братиану и Когольничеану. Их выслушали, но на обсуждение вопросов о Румынии они не были допущены. Румынское княжество объявлялось независимым,

⁴⁷ Radowitz, Erinnerung, стр. 53.

⁴⁸ Мартенс, Собрание трактатов и конвенций, стр. 658.

⁴⁹ A. F. Türk geldi, Mesâil-i mühimme-i siyasiye, стр. 76.

в нем провозглашалось полное гражданское равенство всех подданных, без различия вероисповедания. Россия категорически потребовала передать ей Бессарабию — это был вопрос престижа — и настояла на своем требовании, несмотря на сопротивление Англии. Румыния тоже приобрела значительную территорию, на 3,5 тыс. кв. км превышающую площадь Бессарабии, и порт Констанцу на Черном море.

Россия вынуждена была отказаться от намерения обеспечить себе одной право покровительствовать христианским подданным Османской империи. Порта обязалась осуществить без дальнейшего промедления «улучшения и реформы» в областях, населенных армянами, и обеспечить их безопасность от черкесов и курдов. Она дала также обещание периодически сообщать державам о принимаемых ею мерах по выполнению своих обязательств⁵⁰. Конгресс принял эту формулировку, хотя в прошлом Турция не раз давала подобные обещания (например, в 1856, 1875, 1876 гг.), но ничего не делала для их осуществления.

6 июля, на четырнадцатом заседании конгресса, оставалось решить вопрос об азиатских территориях. От исхода этого заседания зависели мир или война в Европе. Россия осталась верной своим обязательствам: она отказалась от Алашкертской долины и Баязида. Карс, Ардаган и Батум оставались за Россией, причем Батум Россия обязалась не укреплять и сделать из него свободный торговый порт.

Конгресс вынес решение оставить в проливах порядок вещей, существовавший ранее, т. е. определенный конвенцией о проливах 1856 г. и ст. 2 Лондонской конвенции о проливах от 13 марта 1871 г.

На одном из последних заседаний конгресса, 11 июля, русские уполномоченные выступили с предложением включить в Берлинский трактат статью, которая определяла бы способ проведения в жизнь решений конгресса. Против этого предложения выступил Каратеодори-паша, доказывая, что ввиду серьезных и искренних намерений турецкого правительства никаких гарантий выполнения решений конгресса не требуется⁵¹. Каратеодори-пашу поддержал Бисмарк. Дискуссия по этому вопросу длилась три дня и закончилась ничем.

8 июля последовало разглашение секретного англо-турецкого соглашения: его текст был объявлен английскому парламенту. В тот же день по телеграммам из Лондона о нем узнали в Берлине. Сообщение это не вызвало дискуссии на конгрессе: к соглашению Англии и Турции отнеслись так, как

⁵⁰ Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, стр. 674.

⁵¹ A. F. Türk geldi, Mesâil-i mühimme-i siyasiyye, стр. 90.

если бы оно не имело никакой связи с Сан-Стефанским договором.

Когда речь зашла о контрибуции, Каратеодори-паша стал просить конгресс признать невозможным для Порты принять на себя невыполнимое обязательство. Бисмарк не поддержал турок и строго заметил, что Турция взяла на себя обязательство об индемнизации в Сан-Стефано. Русские уполномоченные успокоили встревоженных англичан и французов, заверив их, что денежное возмещение не будет обращено в территориальные уступки и что Россия признает преимущественное право кредиторов Порты, ссудивших ее деньгами до заключения мира. Размеры контрибуции окончательно были установлены Константинопольским договором, подписанным в феврале 1879 г. Контрибуция была определена в сумме 802,5 млн. фр. (225 млн. руб.), не считая претензий русских подданных за убытки, понесенные ими во время войны. Подписанный договор увеличивал денежный долг Турции на 30%. Финансовое положение Османской империи было катастрофическим, тем более что, хотя Берлинский конгресс и постановил, что Болгария, Сербия, Черногория и Греция возьмут на себя часть Оттоманского долга, никто из них ничего не платил: Болгария находилась под защитой России, остальные — под защитой держав⁵².

Последнее (двадцатое) заседание конгресса Бисмарк открыл в 3 часа дня 13 июля 1878 г.; он пригласил уполномоченных от держав подписать договор. Вскоре Берлинский трактат был переведен на турецкий язык и статья за статьей прочитан комиссии, в которую входили министр иностранных дел Сафвет-паша, Рюштю-паша, Ахмед Вефик-паша, Намык-паша и гази Осман-паша. При чтении присутствовал и сам Абдул Хамид II. Договор был ратифицирован. Турецкому послу в Берлине было разрешено произвести обмен ратификационными грамотами⁵³.

Ни одна из стран, принявших участие в конгрессе, не вернулась домой без некоторого недовольства. «В Берлине не мир водворили, а европейский и восточный разлад на многие годы»⁵⁴, — писал Н. П. Игнатьев. Особенно была недовольна Россия: она была лишена значительной части плодов своей победы. Национальные интересы балканских народов грубо попирались в угоду политическим и стратегическим интересам держав. Как это ни странно звучит, считалось, что конгресс

⁵² Болгария должна была внести 9 898 662 лиры, Сербия — 2 107 457 лир, Греция — 2 130 780, Черногория — 98 986 лир (Х. Авни, Как Турция стала полуколонией, Л., 1934, стр. 24).

⁵³ A. F. Türk geldi, Mesâil-i mühimme-i siyasiyye, стр. 91.

⁵⁴ Н. П. Игнатьев, После Сан-Стефано, стр. 97.

упрочил Османскую империю, — так заявил лорд Биконсфилд в английском парламенте. В действительности же никогда еще турецкое государство не подвергалось более бесстыдному разграблению. «Защитники» Турции — Англия и Австро-Венгрия захватили Кипр, Боснию и Герцеговину. Решения конгресса оставили открытой дверь для раздела Турции. «Грабят Турцию»⁵⁵ — так характеризовал В. И. Ленин Берлинский конгресс. Постановления конгресса способствовали более быстрому превращению Турции в полуколонию: громадные военные расходы, сокращение территории Османской империи и уменьшение поступлений в ее казну подрывали и без того расстроенные финансы страны. Деспотический режим султана Абдул Хамид II препятствовал развитию производительных сил страны, ее движению по пути прогресса. Спасти Турцию могли только ликвидация средневекового режима, избавление от империалистического гнета, однако в конце 70-х — начале 80-х годов XIX в. условий для этого не было.

⁵⁵ В. И. Ленин, Тетради по империализму, — Полное собрание сочинений, т. 28, стр. 672.